

История новокузнецкой полиции (продолжение)

Следующим важнейшим этапом существования органов полиции в Российской империи стало "Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи 1775 года" эпохи уже Екатерины II. В соответствии с этим законом, в стране на местном уровне суд был отделён от администрации, сама должность воеводы упразднена, вводились новые структуры управления. В Кузнецком уезде местная реформа управления началась несколько позже, в 1779 году, когда он вошёл в состав вновь образованной Колыванской области (сюда же вошли Колывано-Воскресенские, то есть алтайские заводы, находившиеся в ведении Кабинета Её Величества - доходы от их деятельности шли не в казну государства, а непосредственно в карман императрицы; практически всё крестьянское население уезда отработывало подушную подать, выполняя повинности в пользу Кабинета, и называлось "приписное"). Правителем области сенат назначил генералмайора Бориса Меллера, которому и предписал проведение реформы во вверенной ему области (вскоре преобразованной в Колыванскую губернию). Непосредственно проведением реформы на местах занимался Николай Ивановский - помощник Меллера. В 1780 г. он прибыл в Кузнецк. По его распоряжению (по согласованию с правителем области) должность воеводы была упразднена, а воеводская канцелярия распущена. Вместо неё создавалось уездное казначейство (заведовало финансами), нижняя расправа (занималась судом для крестьян уезда), вместо ликвидированной ратуши вновь образовывался магистрат (с несколько иной компетенцией), прокурорский надзор был поручен уездному стряпчему. Но самое главное, что учреждались должности городничего (городское полицейское управление) и Кузнецкий земский суд (сельское полицейское управление). Именно с этого момента начинается уже непрерывная история органов правопорядка на территории как города Новокузнецка, так и всей Кемеровской области.

Охрана тишины и спокойствия в городе была возложена на городничего. Он выполнял чисто полицейские (в современном понимании этого слова) функции: наблюдал за порядком, имел право проводить предварительное следствие по уголовным делам, побуждал население к уплате налогов и пр. Первым кузнецким городничим - первым главой полиции города - стал бывший кузнецкий комендант подполковник Фёдор Юрьевич Зейферт. В его штате состоял один подканцелярист (им стал казачий пятидесятник Матвей Антонов) и два писаря (капрал Степан Ефтюгин и казак Алексей Антонов).

Те же полицейские функции, но в рамках уезда (сельской территории) выполнял Кузнецкий земский суд, во главе которого становился земский капитан (или исправник, на практике часто использовался термин "капитан-исправник"). Первым начальником

уездной полиции (ныне сопоставима с должностью начальника ГУВД Кемеровской области, но с исключением из его компетенции самого города Кузнецка) стал бывший кузнецкий воевода секунд-майор Яков Юрьевич Лагунович. Поскольку территория уезда была огромна, то и штат земского суда был более многочислен: 2 сельских заседателя (выбирались из крестьян - просвещённая Екатерина искренне, но наивно считала, что она вводит демократический орган!), секретарь (им стал дворянин Иван Паринов), 2 канцеляриста, 2 копииста (перешли из ликвидированной воеводской канцелярии) и сторож.

Подчеркнём ещё раз: значение этой реформы Екатерины II вообще для всей страны и для нашего региона в частности было огромным. Произошло чёткое распределение обязанностей между разными учреждениями, были заложены основы (пока только основы) разделения властей, сформированы постоянные органы полиции нашего Кузнецкого края.

В дальнейшем на должности городничего мы нередко будем встречать весьма заслуженных, а иногда и выдающихся людей. Вот гусарский майор Александр Григорьевич Меретеев, бывший городничим Кузнецка в период с 1821 по 1825 годы. Участник Отечественной войны 1812 года и герой Бородинского сражения, где был ранен и за отличие в том деле награждён орденом Святой Анны 4-го класса; с 1813 год по 1816-й год был за границей в Герцогстве Варшавском и во Франции; при взятии Парижа в 1814 году, командуя эскадроном, возглавлял личный конвой императора Александра I. В 1817 году уволен в отставку с мундиром и пенсионом; вскоре перебрался в Кузнецк, куда он приехал вместе с женой, купил здесь усадьбу, имел в услужении нескольких дворовых, жил широко, с достатком, занимая одну из первых должностей в городской иерархии. Умер 3 апреля 1846 года и был похоронен на Кузнецком городском кладбище (ныне район Сада алюминщиков). До революции его могила служила местом поклонения памяти героев Отечественной войны 1812 года. Здесь проводились торжественные молебны и памятные встречи.

Другой городничий - Иван Андреевич Горстен - тоже заслуживает внимания. Выходец, вероятно, из немцев (иногда к его фамилии добавляли характерную приставку "фон"), будучи ещё молодым поручиком, он в 1774 году, командуя драгунской ротой, отличился в борьбе с отрядами Емельяна Пугачёва. "Засветился" настолько, что великий Пушкин поместил о нём информацию в своих записках к "Истории Пугачёва". Несколько позднее, в ноябре 1790 года, удостоился самой почётной воинской награды - ордена Святого Георгия 4-й степени, войдя в первые в истории восемьсот человек, на кого были возложены императрицей Екатериной II знаки этого ордена. Спустя три года мы уже видим премьер-майора Горстена на посту кузнецкого городничего, где он прослужил до конца восемнадцатого века. В дальнейшем его фамилия не встречается в служебных списках ни по Кузнецку, ни по другим городам империи. Возможно, заслуженный офицер окончил свой жизненный путь именно в нашем городе. Следующий главный полицейский чин города коллежский асессор Пётр Иванович Морелли тоже оказался с "европейскими корнями". Знаменитый кузнецкий летописец XIX в. Иван Конюхов прямо называет его выходцем "из немцев", но в документах его фамилия писалась со специфичным итальянским "окончанием". Кстати, в это же время в Санкт-Петербурге тоже по полицейской линии (частным приставом) и тоже в чине коллежского асессора служил другой Морелли - Франц Дементьевич, итальянское происхождение которого документально доказано. Пётр Иванович запомнился крутым нравом и тем, что его даже пытались отравить сулемою (хлорид ртути), при попадании полуграмма которого в организм случается летальный исход, но, на его счастье, заговор был раскрыт и трагедии не произошло.

В 1805 году кузнецкую полицию на целых 16 лет возглавил подполковник (впоследствии при переводе его в "статскую службу" - коллежский советник - VI чин в Табели о рангах) Михаил Иванович Лубянов, которого сменил уже упоминавшийся А.Г. Меретеев. Преемник последнего (с 1826 года) - надворный советник Емельян Якимович Косоротов - тоже из боевых офицеров. Да из каких! Участник Отечественной войны 1812 года, кавалер ордена Святого Владимира с бантом, дававшего именно за подвиги на полях сражений. "Эпоха Косоротова" продлилась более десяти лет, в феврале 1837 года уже немолодой бывший кузнецкий городничий перебрался на Кавказ, где и умер в сентябре 1846 г. в возрасте 80-ти лет. Людвиг Козмич Вроблевский - следующий глава городской полиции - происходил из обрусевших поляков. Также отметился в Отечественной войне 12-го года (но как чиновник), нося в память о ней на мундире бронзовую медаль. Опытный управитель, имеющий знак беспорочной службы за 20 лет, коллежский советник Вроблевский семь лет руководил полицейским аппаратом города. Однако его карьера закончилась конфузом: в феврале 1844 года он был отстранён от должности и предан суду "за употребление арестантов в свои услуги и на работу". Интересно, что подобные обвинения слышались в адрес кузнецких городничих ещё со времён Морелли. Но чтобы предать суду! Вероятно, Людвиг Козмич крепко поспорил с кем-то из "сильных мира сего". Показательный суд учёл прежние заслуги обвиняемого и ограничился в отношении него запретом на дальнейшее занятие "подобных должностей". Впрочем, вскоре он здесь же, в Кузнецке, занял должность винного пристава (главной их задачей была борьба с самогонварением). Интересно, что будучи городничим, католик Вроблевский перешёл в православие. Не сложилась полицейская карьера в Кузнецке и следующего городничего: титулярный советник Григорий Иванович Филипов (участник войн против турок и персов, кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени с бантом и ордена Св. Анны 4-й степени с надписью "За храбрость") в 1849 г. после жалоб со стороны кузнецчан на его "стеснительные действия, от которых жизненные потребности в г. Кузнецке значительно возвысились", на имя генерал-губернатора Западной Сибири последним он был отстранён от должности. После непродолжительного правления коллежского секретаря Владимира Ивановича Фальца полицию города возглавил (с сентября 1853 г.) надворный советник Василий Иванович Андреев, образ которого под именем Андрея Ивановича Васильева оказался раскрыт на страницах книги известного в своё время журналиста и писателя Леонида Блюммера "На Алтае". Леонид Петрович, будучи выслан в Томскую губернию за свои политические взгляды, больше года

прожил в Кузнецке и хорошо знал практически всех местных чиновников. В своём романе, хотя и несколько завуалированно, он дал весьма нелицеприятную характеристику многим из них. Досталось и В.И. Андрееву, но ведь и было за что: в июле 1859 г. его с рядом других кузнецких чиновников отдали под суд за “недогляд” - проворовался бывший казначей Воронков, а городничий не вскрыл этот факт во время проверки (в итоге по суду с Василия Ивановича со товарищи взыскали растраченные казнокрадом деньги). Впрочем, в остальном документы рисуют городничего как вполне достойного служаку, чья карьера прошла без громких происшествий. Однако, как минимум, одно подобное происшествие всё же было. Но масштаб и значение этого события можно оценить только уже в наше время. Связано оно с именем великого русского писателя Ф.М. Достоевского. Как известно, в период 1856 - 1857 годов Достоевский трижды приезжал из Семипалатинска, где отбывал воинскую службу, в Кузнецк, чтобы встретиться, а затем сделать предложение о браке проживавшей здесь его возлюбленной Марии Исаевой. В феврале 1857 года в Кузнецке прошло венчание, после чего вскоре молодая пара навсегда покинула этот город. Эти исторические факты не вызывают сомнений. Однако в кузнецкой среде ещё с конца XIX в. упорно циркулировали слухи, что писатель провёл в нашем городе не 22 дня (как сейчас считается), а гораздо больше, отбывая здесь срок в тюрьме, расположенной тогда на Кузнецкой крепости. Более того, после свержения царя в феврале 1917 г., когда подул “ветер свободы” и прежний режим значительно ослаб, в кузнецкую тюрьму (она ещё действовала) стали водить настоящие эскурсии, чтобы показать камеру (был известен даже её номер - 15), где сидел Ф.М. Достоевский. Однако доподлинно известно, что Ф.М. Достоевский в Кузнецке срок не отбывал. Что же это - наивность кузнецчан? Стремление поверить в заманчивую сказку (в то бурное революционное время Достоевского прочили не иначе как за борца с ненавистным царским режимом)? Может, и так. Однако в последнее время обнаружилось факты или, правильнее сказать, указание на факты, что Фёдор Михайлович всё же на короткое время оказался в кузнецких застенках. А факты следующие. В 1960 г. тогдашний сотрудник Сталинского (Новокузнецкого) краеведческого музея Константин Воронин в одном из частных писем к своему знаменитому земляку Валентину Булгакову, известному литератору и последнему личному секретарю Льва Толстого, некогда подробно и успешно изучавшему вопрос пребывания Достоевского в Кузнецке, сообщил о том, что располагает любопытной информацией. Заключалась она в следующем: некогда (в 1920 году) бывший начальник кузнецкой милиции Василий Шумиков поделился с К.А. Ворониным воспоминанием о том, что в своё время после заступления на должность, разбирая старый, ещё дореволюционный полицейский архив (впоследствии он сгорел), ему на глаза попало дело об аресте Ф.М. Достоевского. В небольшой папке находилось донесение о появлении в городе подозрительного человека и сопутствующие этому бумаги. В.Н. Шумиков тогда не придавал этому какого-либо значения, но в его памяти эта информация осталась. Исходя из этого, К.А. Воронин спрашивал В.Ф. Булгакова о том, что тому известно о данном факте. Валентина Фёдоровича это сообщение крайне заинтересовало. И хотя ничего подобного он прежде не слышал, саму вероятность ареста писателя в Кузнецке Булгаков, что важно! - отвергать не стал, а рассматривал этот случай как вполне возможный, гадая лишь, в какую из своих поездок Достоевский мог быть препровождён в кузнецкую тюрьму. Интересно, что в последнее время углубленный анализ эпистолярного наследия писателя (его письма за 1855 - 1857 годы) приводит некоторых авторов к мысли о том, что писатель был в Кузнецке не три, а четыре раза. Причём аргументация этого строилась при незнании данных о возможном аресте писателя в Кузнецке. Однако в совокупности эти два момента - неизвестная поездка в Кузнецк и его там арест - хорошо дополняют друг друга.

Впрочем, мы бы не уделяли столько времени Ф.М. Достоевскому и его возможному задержанию в нашем городе, если бы писатель не оказался напрямую и прочно связан с некоторыми первыми лицами в полицейской иерархии Кузнецка, а точнее, Кузнецкого уезда. Речь идёт о семье кузнецкого исправника Ивана Мироновича Катанаева, супруга которого взяла под своё покровительство Марию Дмитриевну Исаеву, оставшуюся вскоре по приезду в Кузнецк вдовой с ребёнком на руках. Именно Анна Николаевна Катанаева, а через неё и сам исправник оказались настолько близкими Исаевой и Достоевскому людьми, что взяли на себя все хлопоты по организации свадьбы и провели её у себя дома. В свете этих обстоятельств можно несколько по иному взглянуть на развитие событий в случае, если арест Достоевского действительно имел место. Вмешательство всесильного исправника (а И.М. Катанаев уже много лет - с октября 1840 года - возглавлял Кузнецкое уездное полицейское управление, при этом отметим, что начальник кузнецкой тюрьмы Ярманский прежде также не один год служил под начальством Ивана Мироновича, да и сам формулярный (послужной) список Катанаева был не без изъяна - из него видно, что дважды в своей карьере он готов был пренебречь буквой закона) объясняет тот факт, что заведённому делу о задержании Достоевского в Кузнецке (а первый раз летом 1856 года писатель в городе был нелегально, будучи простым солдатом и всё ещё политическим преступником, если допустить его ещё одну - доселе неизвестную поездку, то её обстоятельства точно такие же) не дали ходу. Оно так и осталось в архиве местного полицейского управления.

Пётр Лизогуб, историк. (Продолжение следует.)